

**ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ТЕКСТА КАК НОСИТЕЛЬ ПОТЕНЦИАЛА
ЕГО ДЕРИВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ**

Н. Н. Шпильная

INTERNAL TEXT FORM AS THE POTENTIAL SUPPORT OF ITS DERIVATION

N. N. Shpilnaya

В статье поднимается проблема деривационного развития текста как компонента коммуникативной ситуации. В качестве источника (носителя) деривационного потенциала текста предлагается рассматривать его внутреннюю форму как билатеральную сущность, имеющую пропозициональную организацию. Предметом анализа является относительный план деривации текста. На конкретном эмпирическом материале иллюстрируются особенности реализации деривационного потенциала внутренней формы текста как субъекта рецептивной тексто-порождающей деятельности адресата.

The problem of the text derivation as a component of the communicative situation is raised in the article. Its internal form is suggested to be considered as the potential support of the derivation. The latter is regarded as a bilateral nature, having a propositional organization.

Ключевые слова: внутренняя форма текста, деривация текста, деривационная текстология, пропозиция.

Keywords: internal text form, derivation text, derivational textology, proposition.

...протяженность и развитие могут быть
свойственны только языковым представлениям.

И. А. Бодуэн де Куртене

Проблематика данной статьи вписывается в русло деривационной текстологии, предмет изучения которой – деривационное функционирование текста, обусловленное его включенностью в непрерывный деривационно-мотивационный процесс, движущими силами которого являются внутренние потенции языко-речевой материи (об этом см. подробнее в [1; 2, с. 65 – 84]). Исходной посылкой настоящей работы послужило положение, согласно которому любая единица языка обладает деривационно-мотивационным потенциалом, проявляющимся в ее способности служить источником и объектом деривационно-мотивационных процессов, вследствие чего процесс создания речевых единиц предстает как процесс их развития («продления») в едином коммуникативно-речевом пространстве. В фокусе нашего внимания – проблема деривационного развития текста как компонента коммуникативной ситуации, структурообразующими элементами которой, наряду с текстом, являются референтная ситуация, адресант и адресат. Основной задачей статьи является выделение единиц, реализующих деривационный потенциал текста и позволяющих адекватным образом описать данный процесс. В качестве источника и носителя деривационных свойств текста, то есть тех внутренних сил, которые приводят его в движение, мы предлагаем рассматривать его **внутреннюю форму как устроенную по принципу знака ментально-языковую сущность, имеющую пропозициональную организацию и являющуюся представителем текста в единстве его формальной и содержательной сторон**. Представительность, как ведущее свойство семиотической системы в целом и языковой в частности, здесь выполняет особую роль, определяемую не системно-структурным и антропоцентрическим подходами, согласно которым языковой знак рассматривается как условный представитель денотативной области

или концептуальной сферы, а подходом, в соответствии с которым актуализируется потребность выявления представителя самого языкового знака как билатеральной сущности с особыми отношениями между означаемым и означающим.

Внутренняя форма текста как билатеральная сущность. В лингвистике уже предпринимались попытки описания деривации текста с опорой на его внутреннюю форму. Однако в работах исследователей внутренняя форма текста предстает, скорее, как единица гносеологического типа, позволяющая адекватно представить процесс деривации текста, чем онтологического. Так, в работе Н. Д. Голева и Н. В. Сайковой внутренняя форма текста используется в качестве объяснительного принципа при деривационной интерпретации вторичных текстов – установлении возможных степеней деривационности текста [3, с. 20 – 27]. В статье С. В. Ионовой, в методологическом плане являющейся продолжением идей Н. Д. Голева и Н. В. Сайковой, внутренняя форма текста становится «свидетельством тождества, генетического единства соотносимых текстов» [4, с. 14]. Далее мы исходим из того, что внутренняя форма текста является единицей онтолого-гносеологической типа; это в целом не противоречит, а напротив, соответствует современным представлениям о диалектическом взаимодействии языковой онтологии и гносеологии. Тезис о диалектическом взаимодействии языковой онтологии и гносеологии доказывает Н. Д. Голев, рассматривая его проявление при исследовании метаязыкового сознания, которому придает онтолого-гносеологический статус [5, с. 7 – 40].

Как нам представляется, признание онтологического статуса внутренней формы текста сопряжено с осознанием факта ее самостоятельного статуса как симбиотического образования, синтезирующего одновременно формальные и содержательные свойства языко-речевой

материи: внутренняя форма текста есть и содержание, и форма. Рассматриваемая со стороны содержания, она является *значимой* формой, рассматриваемая со стороны формы, она является *формальным* содержанием. Сказанное вовсе не означает нивелирование самостоятельного статуса внутренней формы текста, которая, как представляется, лишь имитирует совпадение то с «формой», то с «содержанием» в тех или иных своих проявлениях. Следствием осознания самостоятельного статуса внутренней формы является возможность ее рассмотрения как билатеральной сущности, обладающей «собственными» содержанием и формой и функциональными возможностями. (Аналогичный, то есть основанный на признании билатеральной природы внутренней формы, подход к рассмотрению анализируемого языкового феномена предложен О. И. Блиновой, исследующей явление мотивации слов, в [6]). Это становится возможным в том случае, если рассматривать внутреннюю форму не извне, а изнутри – как «вещь в себе». Методологической посылкой такого подхода является признание разноаспектного – тройного – представления (в гносеологическом плане) какого-либо явления: как вещи, как свойства и как отношения: «Когда предмет выступает как что-то самостоятельное, выделенное среди многообразия других явлений, мы называем его вещью. Если же этот предмет рассматривается как что-то принадлежащее другому предмету, он выступает как свойство. И наконец, если тот же предмет выступает как что-то объединяющее в совокупность множество других явлений, он будет отношением» [7, с. 179].

Осознание внутренней формы текста в аспекте «вещь» предполагает выделение сущностных – субстанциональных и значимостных – характеристик явления, позволяющих дифференцировать его в ряду других смежных с ним явлений. Следует отметить, что мысль о билатеральной организации внутренней формы уже высказывалась в лингвистике. Так, В. фон Гумбольдт, сформулировавший гипотезу о наличии в языке как системно-структурном образовании внутренней формы, подчеркивает, что внутренняя форма синтезирует свойства «интеллектуального содержания» и внешней формы, полагая, что «синтез создает нечто такое, что не содержалось ни в одной из сочетавшихся частей как таковых» [8, с. 107]. Ср. также с высказыванием В. В. Библихина, согласно которому внутренняя форма предстает «как начало организации и звуковой материи знака, и его семантики в цельный образ» [9, с. 62]. О билатеральной сущности внутренней формы слова и художественного произведения говорил А. А. Потебня, отождествляя внутреннюю форму с представлением как образом образа ситуации [10]. Имплицитно мысль о билатеральной сущности внутренней формы текста содержится в работах современных исследователей. К примеру, в работах Н. В. Сайковой, исследующей взаимодействие текста и слова в деривационном аспекте, выделяются две модели текстопорождения – ономазиологическая, ориентированная на содержание текста-основы, и семасиологическая, ориентированная на форму исходного текста [11]. Сам факт выделения данных моделей позволяет сделать вывод о наличии у внутренней формы текста не только формы, но и содержания.

Что представляют собой составные части – «форма» и «содержание» – внутренней формы текста и каков характер их взаимоотношений? Для обозначения составных частей внутренней формы текста мы предлагаем использовать следующие термины: для отражения содержательной стороны – *пропозициональное содержание*, для соответствующей ей формы – *пропозициональная форма*. Далее мы исходим из того, что *содержание* внутренней формы представляет собой совокупность смысловых сфер (субъект, объект, результат и пр.), отражающих весь комплекс потенциальных аспектов ситуации и задающих общее направление процессов смыслообразования, получающих конкретизацию на языко-речевом (текстовом) уровне. Важно подчеркнуть, что исходные смысловые сферы представляют собой пакет позиций, некий скелет для создания образа референтной ситуации, обладающий смыслодеривационным потенциалом, репрезентированным в смысловой структуре текста: они формируют смысловую многомерность пропозиционально-семантической организации текста. Сказанное согласуется с положением о дуалистической природе языкового знака, проявляющейся в его способности к денотации (референции) и сигнификации, которая, кстати сказать, обусловлена такими антиномическими свойствами языкового знака, как генетическая мотивированность и синхронно-функциональная произвольность (условность). Выделение и осознание пропозиционального содержания в «составе» внутренней формы находит подтверждение также в мысли о том, что в семантической структуре текста можно выделить два вида «значений» – коммуникативно-прагматическое, ориентированное на адресата и «вычисляемое» им, и «упакованное» в нем (коммуникативно-прагматическом значении) пропозиционально-семантическое, соотносящее высказывание с референтной ситуацией и ее содержанием и обеспечивающее, с одной стороны, относительный изоморфизм высказывания и ситуации, а с другой стороны, – процесс «адекватного» (в плане соотносительности общей «ситуации мира») восприятия текста адресатом (см., например, [12]).

Что касается *пропозициональной формы*, то она задает способ выстраивания отношений между смысловыми сферами пропозиционального содержания, своего рода коммуникативный ракурс будущего высказывания (конечный образ высказывания), порождение которого осуществляется по линиям семантики, синтактики и прагматики, что согласуется с семиотической природой языка в целом и языкового знака в частности. Подчеркнем, что идея о пропозициональной организации внутренней формы языковых единиц, для лингвистики не нова: подобного рода идеи высказываются и в рамках пропозиционального направления в дериватологии (словообразовании), связанного с именами Е. С. Кубряковой, М. Н. Янценецкой, Л. А. Араевой и др.; ср.: «производное должно соотноситься не с тем или иным конкретным предложением или синтаксическим оборотом, а с глубинной пропозицией, которая, в свою очередь, может получить синтаксическое (и добавим – текстовое. – Н. Ш.), морфологическое или лексическое выражение» [13, с. 9]; причем глубинная пропозиция, являясь, по сути, мотивирующим суждением и обладая самостоятельным статусом, получает

свое формальное воплощение в процессе текстовой актуализации ее актантно-предикативной структуры (см., например, [14]); «морфологическая структура производного является целостным отображением структуры ситуации, как ее представляет себе говорящий» [15, с. 4 – 5]. Ср. также с высказываемыми в теории речевой деятельности мыслями о релятивном предикате как носителе потенциалов смыслового развития текста [16].

Обобщая сказанное, заметим, что самостоятельность внутренней формы текста служит лишь предпосылкой (условием) деривационного развития текста, тогда как *деривационный потенциал внутренней формы текста* определяется ее внутренними противоречиями, обусловленными ее отражательной и знаковой (условно-технической) природой. Деривационная сущность внутренней формы текста проявляется в ее способности служить опорой (и в то же время источником) для деривационных процессов, обеспечивая преемственность между «данным» и «новым», где «новое есть содержание интенции, являющееся стимулом для создания говорящим высказывания» [2].

Абсолютный и относительный планы деривации. Традиционно при рассмотрении сущности деривации текста лингвисты описывают данный процесс в направлении от производного текста к тексту-основе (ретроспективный подход), что предполагает выявление характера и результатов внутритекстовой и межтекстовой деривации, установление генетического единства текста-основы и его деривата [11; 17]. Основным аспектом нашего анализа связан с исследованием проблемы деривации текста в направлении от текста-основы к его деривату (перспективный подход). При таком подходе процесс деривации текста предстает как процесс функционально-семантического (формально-семантического) продления текста-основы в речевой деятельности носителя языка, имеющей дело, по сути, не с текстом, а его представителем – внутренней формой. Не останавливаясь подробно на проблеме *текстовости и внетекстовости* текста, отметим, что его статус определяется ролью текста как компонента коммуникативной ситуации. Согласно Л. Г. Ким, исследующей особенности вариативно-интерпретационного функционирования текста в пространстве адресата, можно дифференцировать три аспекта текстовых явлений: текст автора, текст субстанциональный и текст адресата, где *текст автора* представляет собой объект и результат текстопорождающей деятельности автора, *текст субстанциональный* – это текст как некая субстанция в совокупности его признаков, текст как потенциальный объект восприятия, *текст адресата* – текст, представляющий собой результат интерпретационной деятельности носителя языка, возникающей при восприятии текста [18, с. 186]. Исходя из сказанного, мы считаем возможным говорить о том, что текст адресанта, так же, как и текст адресата, являются условными единицами. В действительности, как **в процессе порождения текста, так и при его интерпретации, носитель языка имеет дело не с текстом, а с его представителем, то есть с внутренней формой текста.** Так, в процессе порождения текста внутренняя форма предстает как предтекст, предвосхищающий разворачивание текста в единстве его формальной и содержательной сторон как цельной семио-

тической сущности. А в процессе рецептивной текстопорождающей деятельности адресата внутренняя форма обеспечивает диктумно-модусное «продление» текста как цельнооформленной единицы (ср. с высказыванием Г. Г. Шпета: «Что касается смысла, который заключается в словесном выражении данной вещи, то он нами постигается, уразумевается через внешние формы словесного выражения, в *собственных самодеятельных логических формах, которые и должны рассматриваться как внутренние формы слова*» (выделено нами. – Н. Ш.) [19, с. 82]). С нашей точки зрения, сказанное справедливо и по отношению к внутренней форме текста как объекту речепорождения адресата. Отметим, что процесс создания текста характеризует **абсолютный план деривации**, а процесс его речевой интерпретации – **относительный план деривации**.

Далее мы подробнее очертим путь деривационного развития текста как субъекта рецептивной текстопорождающей деятельности адресата, осознавая, что процесс деривационного развития текста как со стороны адресата (относительный план деривации), так и со стороны адресанта (абсолютный план деривации) един по своей сути: «...процессы понимания, интерпретации знаков языка <...> обуславливаются тем же, чем обуславливается возможность и процессов говорения» [20, с. 361].

Внутренняя форма текста как субъекта рецептивной речепорождающей деятельности адресата. Актуальными для нас являются положения о вариативно-интерпретационном функционировании текста в пространстве адресата, сформулированные Л. Г. Ким. Согласно Л. Г. Ким, текст как онтологический феномен содержит в себе потенциальное множество (веер) «интерпретационных значений» (смысловых версий, по Л. Г. Ким). Ср.: «Интерпретационный процесс осуществляется по вариативно-смысловой модели и имеет своим результатом множественность и вариативность смысловых версий интерпретируемого текста» [18, с. 186]. Причем характер реализации смысловых версий определяется субъективным фактором – языковой личностью, ее коммуникативной интенцией. Последняя при таком подходе становится стимулом для создания человеком высказывания, то есть текстового воплощения смысловой версии. Актуализируемая из текста смысловая версия и есть его внутренняя форма. Иными словами, деривационное развитие текста предполагает актуализацию виртуальной внутренней формы текста, служащей суппозицией для его дальнейшего развития, характер реализации которого определяется коммуникативной интенцией носителя языка, определяющейся в тех или иных текстовых версиях – *деривационных вариантах текста*, находящихся между собой в различных отношениях. Так, реализация излучаемых текстом импульсов деривационной энергии зависит от **коммуникативной активности** субъекта речи, способного выступать в разных ипостасях: «включателя», «проводника», «выключателя» потока деривационной энергии текста.

Деривационное развитие текста находит выражение в его диктумно-модусном продлении, где диктумная составляющая коррелирует с содержанием внутренней формы, а модусная – с собственно формой. Представляется уместным подчеркнуть, что деривация

и интерпретация текста – хотя и взаимосвязанные, но не тождественные процессы, разница между ними определяется соотношением двух базовых речевых функций – когнитивной и коммуникативной. В этом смысле деривация есть коммуникативный процесс («Понятие “деривация” <...> используется в его самом широком смысле как образование текста (Т-2) от текста (Т-1)» [3]), а интерпретация – когнитивный («Интерпретация представляет собой когнитивную (ментально-языковую) деятельность, сущность которой заключается в смыслоисчислении, или распределении, или смыслопостроении, или опредмечивании» [21]). Признавая общую коммуникативную направленность речепорождения, далее мы исходим из приоритета деривационных процессов по отношению к интерпретационным, полагая, что последние служат предпосылкой для осуществления актов коммуникации. Основанием сказанного может служить факт внутренней речи как речи звучащей, но не озвученной.

Проиллюстрируем особенности реализации деривационного потенциала внутренней формы текста как объекта и в то же время субъекта рецептивной текстопорождающей деятельности адресата на примере бытового диалога, основу которого составляет процесс передачи сплетен (слухов) – неавторизированной информации о ком-либо. Такой выбор эмпирического материала обусловлен тем, что в диалогах изначально заложены деривационно-мотивационные отношения между репликами коммуникантов – адресанта и адресата. При этом каждая реплика рассматривается нами как самостоятельное высказывание (текст). Ср. с позицией М. М. Бахтина, согласно которому граница текста определяется сменой субъекта речи.

Пример.

- Говорят, *ТФ поедет в Турцию* <суппозиция>
- Да, не слышала, не знаю. *А когда она поедет?*
- Точно не знаю, но вроде, *в субботу.*
- *На выходные....* Повезло. Кто-то в Турцию, а кто-

то на огород...

Приведенный пример хорошо иллюстрирует особенности деривационного – диктумно-модусного –

развития текста. В данном коммуникативном фрагменте, композиционно организованном в форме диалога, в первой реплике содержится мотивирующее суждение – *ТФ поедет в Турцию*, – являющееся суппозицией и обладающее деривационным потенциалом. Этот потенциал реализуется в ответной реплике адресата – *Да, не слышала, не знаю. А когда она поедет?* – предполагающей на уровне диктумного развития текста актуализацию такого фациенса, как локатив, что находит отражение в ответной реплике адресанта – *в субботу*; а на уровне модусного развития текста – «приращение» оценки-комментария – *Повезло. Кто-то в Турцию, а кто-то на огород*. При этом наблюдается усложнение виртуальной внутренней формы (потенциального) текста.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что признание деривационной функции внутренней формы текста сопряжено с осознанием ее самостоятельного статуса как билатеральной сущности, обладающей формой и содержанием. В таком случае внутренняя форма текста есть представитель текста в единстве его формальной и содержательной сторон. Деривационный потенциал внутренней формы текста определяется ее внутренними противоречиями, обусловленными ее отражательной и знаковой (условно-технической) природой, и реализуется в тексте как субъекте текстопорождающей деятельности адресанта и адресата – основных структурообразующих компонентов коммуникативной ситуации. Выделение и осознание внутренней формы текста как носителя потенциала его деривационного развития в конечном счете позволяет расширить горизонты деривационной текстологии, включив в ее проблемное поле вопросы определения границ текста как *новой* единицы, сущности и статуса текста как «непроизводной» (самостоятельной) и производной единицы, способных вступать в деривационные отношения на различных уровнях деривационной системы (уровне деривационной цепочки, типа, гнезда, парадигмы) и пр. Решение перечисленных вопросов – дело будущего.

Литература

1. Голев, Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев. – Томск: ТГУ, 1989. – 252 с.
2. Голев, Н. Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации / Н. Д. Голев // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: АГУ, 1998.
3. Голев, Н. Д. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов / Н. Д. Голев, Н. В. Сайкова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сб. ст. / под общей ред. В. А. Пищальниковой. – Барнаул, 2001. – Вып. 3.
4. Ионова, С. В. Внутренняя форма текста и способы ее экспликации / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. – 2007. – № 6.
5. Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам лингвогносеологом) / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: АГУ, 2009. – Ч. 1.
6. Блинова, О. И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект: учеб. пособие / О. И. Блинова. – Томск: ТГУ, 1984. – 191 с.
7. Сагатовский, В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий / В. Н. Сагатовский. – Томск: ТГУ, 1973. – 432 с.
8. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт / общ. ред. Г. В. Рамишвили; посл. А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.

9. Бибихин, В. В. Принцип внутренней формы и редукционизм в семантических исследованиях / В. В. Бибихин // Языковая практика и теория языка. – М., 1978. – Вып. 2.
10. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/poteb/index.php
11. Сайкова, Н. В. Взаимодействие текста и слова в деривационном аспекте (на материале вторичных текстов разных типов): дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Сайкова. – Барнаул, 2002. – 163 с.
12. Сусов, И. П. Введение в теоретическое языкознание / И. П. Сусов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://homepages.tversu.ru/~ips/5_02.htm
13. Янценецкая, М. Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) / М. Н. Янценецкая // Актуальные направления региональной лингвистики и истории Сибири: материалы Всероссийской научной конференции «Говоры и разговорная речь» (март 1991 г.). – Кемерово: КемГУ, 1992.
14. Резанова, З. И. Функциональный аспект словообразования (русское производное имя) / З. И. Резанова. – Томск: ТГУ, 1996. – 219 с.
15. Шахнарович, А. М. Порождение и восприятие производного слова / А. М. Шахнарович, Л. И. Гараева // Проблемы деривации в системе языка и в речевой деятельности: синхронное словообразование и номинация. – М., 1995.
16. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
17. Прокудина, И. С. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей репродукции текста (на материале студенческих рефератов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. С. Прокудина. – Кемерово, 2009. – 25 с.
18. Ким, Л. Г. Единицы описания интерпретационного функционирования текста в пространстве адресата / Л. Г. Ким // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 1 (49).
19. Шпет, Г. Г. Внутренняя форма слова: этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г. Г. Шпет. – М.: Эдиториал, 2006. – 216 с.
20. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. 2. – М.: Просвещение, 1965.
21. Интерпретация / Д. З. Демьянков [и др.] // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – С. 31.

Информация об авторе:

Шпильная Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного медицинского университета, venata85@mail.ru.

Shpilnaya Nadezhda Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication of Novosibirsk State Medical University.